

Глава 6. Предвоенный год

Успехи мои в учебе до 9 класса нельзя назвать выдающимися. Хорошо шли дела по математике и физике. Сносно по химии, биологии, истории и географии. Хуже по русскому языку, ведь первых четыре года я учился в немецкой школе. Часто возникали проблемы с литературой. Читал я много, иногда запоем. Зачастую из-за хорошей книги пропускал уроки. Но, как оказывалось, читал и любил не то, что надо. Помню, в восьмом классе увлекся Диккенсом, а надо было читать Горького. Мама тоже не любила Горького и довольно спокойно относилась к моим тройкам по литературе.

Перелом наступил в девятом классе. По воспоминаниям Эрночки, я за этот год сильно изменился. Забросил мальчишеские игры, стал серьезнее относиться к учёбе и, что её особенно удивляло и тревожило, стал живо интересоваться обстановкой в стране и мире. Вспоминая то время, думаю, что в основе этих изменений лежал не столько возраст, в декабре 1938 года мне исполнилось семнадцать лет, сколько систематическое чтение серьёзных книг, беседы с Эрночкой о смысле жизни и предназначении человека, а также разговоры с Симачом на острые политические темы. Большую роль сыграла и обстановка в мире, связанная с активизацией фашизма.

Фашизм! В моём сознании, как и в сознании любого советского человека в этом понятии концентрировалось все негативное, мрачное, агрессивное. Все действия фашистских государств подтверждали это. В 1935-36 годах фашистская Италия захватила Эфиопию, которая в то время называлась Абиссинией. В ноябре 1936 года Германия и Япония заключили «Антикоминтерновский пакт», к которому через год примкнула фашистская Италия. Три года, с 1936 по 1939, Германия с Италией, поддерживая франкистских мятежников, вели войну против Испанской республики. В марте 1938 года, используя результаты плебисцита в Австрии, Германия осуществила «Аншлюс» (присоединение) этой независимой, суверенной страны. Этим же методом в октябре к Германии были присоединены значительная часть Чехословакии (Судеты) и Мемельская область Литвы.

Каждый такой акт широко освещался и обсуждался в наших средствах массовой информации. О нем писали корреспонденты газет, журналисты, вещало радио. Отдельные эпизоды военных событий освещали фото и кино-корреспонденты. Особенно подробно описывались события гражданской войны в Испании. Мно-

гих её героев советские люди знали поимённо. Знали, что в интернациональной бригаде, сражавшейся на стороне республики, много наших добровольцев. Победам республиканцев радовались все советские люди, и все огорчались их неудачами. В старших классах школ, на предприятиях, в государственных учреждениях ход военных операций и политическая ситуация в Испании обсуждались на политзанятиях. Поражение республиканцев в этой войне каждый советский человек переживал как собственное горе.

С этого времени в глазах советских людей главным врагом нашей страны стал фашизм, в равной степени испанский, итальянский, немецкий. Отождествление фашизма с немецкой нацией в сознании людей произошло уже в 1938-39 годах, когда стало ясно, что ведущую роль среди фашистских государств заняла Германия. Этот сдвиг в общественном сознании я переживал болезненно. Если в начале тридцатых годов в массах формировалось представление о Германии как о стране с глубокими революционными традициями, родине основателей научного коммунизма, в которой много коммунистов, активно противостоящих фашизму, то к концу тридцатых годов об этом говорили все меньше. Все реже вспоминали, что Германия - родина не только Гитлера, Гиммера, Геббельса, но и Тельмана, Либкнехта, Розы Люксембург. В известном плакате четырех вождей профили Маркса и Энгельса, как мне казалось, всё сильнее заслонялись профилями Ленина и Сталина, уходя в тень, отбрасываемую великим вождём и учителем.

В школе то и дело стала мелькать кличка «немец» в смысле «фашист». Мальчишки рисовали на ладонях мелом свастику и, похлопывая по спине, ставили позорное клеймо. Правда, в те годы в понятие фашизма еще не вкладывалась та жгучая ненависть, которая появилась в годы Великой Отечественной войны. Скорее, была насмешка и презрение, чувство морального превосходства. И почти никакого страха. Была уверенность, что граница надежно защищена, и если фашисты нападут на нашу страну, то Красная Армия легко раздавит их на их же земле. На плакатах рисовали паука-свастику, пригвождённую к земле штыком красноармейца.

Несмотря на напряжённую международную обстановку для многих советских граждан жизнь тех лет казалась безоблачной и счастливой. Иной представлялась она мне. С детских лет жил я в страхе, опасаясь, что арестуют маму, внимательно прислушивался к разговорам старших, обсуждавших аресты и ссылки знакомых нам людей, большинство из которых принадлежали к числу российских немцев. К семнадцати годам я стал остро ощущать зыбкость нашего существования, понимая, как много в жизни россий-

ских немцев зависит от взаимоотношений между советским союзом и Германией. А отношения эти в те годы складывались не лучшим образом. Это не значит, что нас преследовали как немцев. Нет, внешне всё выглядело пристойно, но внутреннее напряжение жило во мне все эти годы и особенно обострилось с активизацией в Германии фашизма.

Я, как и все советские люди, ненавидел фашизм, зачитывался антифашистскими романами Фейхтвангера и болезненно переживал отождествление немцев с фашистами. Познакомившись с творчеством немецких поэтов-антифашистов перёвел несколько из их стихотворений на русский язык. Одно из них, «Звезда», в моем переводе было опубликовано, кажется, в «Тамбовском Комсомольце». За эту и еще одну публикацию я получил небольшой гонорар, а главное, резко возрос мой авторитет в школе. Появились новые, если не друзья, они у меня оставались прежними, то товарищи, среди которых были и девочки. В тёплое время года мы всей компанией ездили на велосипедах в лес или на дикий пляж: купались, загорали. В выходные дни на лодках плавали в Эльдorado – излюбленное место отдыха тамбовчан. Здесь, на последнем километре перед железнодорожным мостом через Цну, её берега были покрыты лесом. Росли здесь преимущественно дубы, клёны, вязы, ивы. Было много сочной зелёной травы, заманчивых лужаек, окаймлённых густым кустарником. Много и солнца, и тени. Не хватало только песка. Но мы ныряли с берега, и песок был нам не очень нужен. Время в Эльдorado летело быстро. Если проходила моторка, дружно, всей компанией бросались в воду, чтобы покачаться на волнах. Когда спадала жара, несмотря на запрет, разводили небольшой костёр и пекли в нём картошку. Затем, стараясь не измазаться сажей, жевали её обгоревшую и часто полу-сырую. Основной же едой в этих поездках были хлеб, огурцы и помидоры. На закуску яблоки, которых в Тамбове было очень много. Изредка парни в складчину брали вино. Я же, хотя и вносил свою долю, участия в выпивке не принимал. Не участвовал я и в карточных играх, которыми часто завершалось наше посещение Эльдorado. Вместо этого, уединившись, читал книгу. Когда сгущались сумерки, пели песни. И хотя не было ни транзисторных приемников, ни магнитофонов, ни сникерсов, ни пепси-колы, всем было весело. Возвращаться не хотелось, тем более, что для этого грести нужно было против течения. Но время поджимало. Вернуться надо было до закрытия лодочной станции.

Девушки! Какое место занимали они в моей жизни? В детстве, в соответствии с католической традицией, всякие разговоры о

проблемах деторождения тщательно обходились. Лет до десяти я продолжал верить, что младенцев приносят аисты. Смысл заборных надписей, которых в то время было множество, стал мне понятен значительно позже. В шестнадцать лет мои представления об интимной жизни, по современным меркам, были до крайности примитивны. К семнадцати годам под влиянием семейного воспитания и особенно Эрночки мое отношение к девушкам стало сугубо романтическим: я их боготворил и боялся. Боялся и рвущихся из глубин подсознания инстинктов. Но никаких вольностей по отношению к девушкам я себе не позволял. И вообще до моего первого и на долгие годы последнего поцелуя оставалось еще почти три года. Однако увлечения были.

Помню, в школе проводился новогодний бал-маскарад. Я крутил пластинки и наслаждался своей значимостью. То и дело прибегали девчонки, прося поставить любимый ими танец. Сам я не танцевал, но любил смотреть, как танцуют другие. И вдруг я увидел девушку. Была она высокой, стройной, в длинном, до пят, чёрном платье, в чёрной шляпке с пером и в чёрной полумаске. Ну, прямо блоковская «Незнакомка». Танцуя, она то появлялась в проеме двери, то исчезала. Забыв о своих обязанностях, я вышел из радиорубки и, прислонившись к косяку двери, стал следить за танцующей парой, пытаюсь угадать, кто скрывается под маской незнакомки. Если бы я умел танцевать... Но танцевать я не умел, к тому же вокруг неё крутилось так много ребят. Ребят спортивных, напористых. В тот вечер я отчётливо почувствовал, насколько такое существо недоступно мне, и, наверное, впервые с такой неприязнью думал о своей неспортивной фигуре и робком, застенчивом характере. Весь следующий день ходил под впечатлением «Незнакомки» и никак не решался спросить кого-нибудь о ней. Но вот, наконец, тайна раскрылась. Незнакомкой оказалась Нина Ванина, известная в нашей школе спортсменка. Она сама, встретив меня в коридоре, спросила, почему я так долго следил за ней, и не подошел. Чары рассыпались. Спортсменка в моём понимании никак не могла оказаться блоковской незнакомкой, к тому же, у неё были такие крупные мускулистые ноги, и грубый голос. Я рассказал ей о своих переживаниях, и мы вместе долго смеялись.

В марте 1939 года вернулся из заключения Петя. Вернулся и сразу же приступил к поиску работы. Искал долго. Только через несколько месяцев ему удалось устроиться бухгалтером в контору «Главтабак». К этому же времени из Чакино вернулась с детьми Эрночка. Вскоре и ей удалось устроиться заведующей кабинетом иностранных языков Тамбовского института усовершенствования

учителей и по совместительству учительницей музыки в школе. Вернулся Петя из лагеря еще более мрачным и замкнутым, чем прежде. Все время ждал нового ареста. В платяном шкафу висел его рюкзак со всеми необходимыми для этого случая вещами. О времени, проведенном в заключении, об условиях содержания там он никогда никому из нас не рассказывал. В его дневниковых записях этому периоду жизни не посвящено ни одной строчки.

При всей его суровости и явном неодобрении моего поведения, я его уважал, и мне очень хотелось поговорить с ним на темы, касающиеся политических и национальных проблем. Но кто я был для него: избалованным, не вкусившим настоящего труда, мальчишкой. Он на эти темы не говорил даже с Эрночкой, опасаясь, что если её заберут, в чем он не сомневался, то это может усложнить её положение на допросах. И правильно делал, в этом я убедился через два года, когда допрашивавший меня следователь, вдруг потребовал:

– А теперь расскажите, какие антисоветские разговоры вы вели с Петром Варфоломеевичем Гунгер.

Вскоре наша семья распалась на две. По-видимому, по настоянию Пети они с Эрночкой и детьми стали питаться отдельно. Готовила им Лиза. Существенное различие в питании стало причиной некоторого напряжения. Эрночка и Лиза, как могли, помогали нам, что вызывало неудовольствие Пети. Жили мы с мамой и Лялей в комнате, выходящей на улицу. Эрночка с семьёй и Лизой - в комнате, выходящей во двор. Летом Петя сделал пристройку в виде утепленной веранды, в которой потом оборудовали спальню.

В 1939 году маме удалось устроиться счетоводом в контору «Главтракторсбыта». Оттуда она приносила свои ведомости и я, овладев счётами, по вечерам помогал ей. Работать на счётах я научился виртуозно. Складывал, вычитал, умножал и делил. Впоследствии мне это здорово помогло. Кроме этого, нам с ней удалось получить заказы на изготовление учебных плакатов с изображением деталей и узлов тракторов и автомобилей. Продолжались мои занятия с соседскими ребятами. Иногда вместе с Симачом ремонтировал появившиеся в то время первые массовые сетевые приемники СИ-235.

А в это время Ляля, работая бухгалтером сельского районо, познакомилась с Игорем Александровичем Красавцевым, служившим в той же организации инспектором политпросвета. Выросший в деревне, получивший техническое образование, и отслуживший в армии танкистом, он выглядел на много старше своих двадцати шести лет. До этого у Ляли было много поклонников, некоторые из

которых путь к ней искали через дружбу со мной. Мне это нравилось, и я, по возможности, афишировал эту дружбу. Знакомство с взрослыми, крепкими молодыми людьми создавало мне соответствующий имидж, защищавший меня от любителей поиздеваться над маменькиным сынком, каким я по существу и был. Игорь Александрович в моей дружбе не нуждался, поэтому его появление я воспринял без энтузиазма, к тому же настораживала его военная выправка и форма, которую он носил. Но постепенно привык, и он мне даже стал нравиться. Простой, жизнерадостный, любящий и понимающий шутку, он быстро расположил к себе всех остальных членов нашей семьи.

Вскоре Игорька направили на курсы усовершенствования командного состава РККА, где ему было присвоено звание младшего лейтенанта запаса. Помню, как мы с Лялей ездили в Москву, а от туда в его часть, расположенную в Нарофоминске. Вернувшись после курсов в Тамбов, Игорек еще некоторое время продолжал работать в прежней должности, и был нашим частым гостем. В отличие от Пети, он сравнительно легко шел на разговоры политического содержания. В моих глазах он был выразителем государственной и партийной политики. Со свойственным мне азартом спорщика я оттачивал на нём свои дедуктивные способности. Он отбивался не очень уверенно, по-видимому, не желая портить отношение. Во всяком случае, как мне казалось, он был далёк от того, чтобы всех немцев, и, тем более, российских, считать фашистами, и меня это устраивало. Будущее показало, что в этой своей позиции он был достаточно искренним.

В зимнее время Игорёк изредка приезжал к нам на лошади, запряжённой в аккуратные сани. Нам с Симачом, который в тонкостях владел крестьянским ремеслом, разрешалось покататься по городу и его окрестностям, чем мы, естественно, с удовольствием пользовались.

Летом 1939 года в самом конце школьных каникул в Москву приехал министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп, которого встречал и с которым обнимался и целовался сам Молотов. А 23 августа между СССР и Германией был заключен пакт о ненападении. Для всех советских людей, не посвящённых в тайны закулисных ходов правительства, это было полной неожиданностью, хотя намёки на изменения во внешней политике уже были. Начался этот процесс с выступления Сталина на 18-м съезде ВКП(б) и нашел своё продолжение в замене тогдашнего министра иностранных дел Литвинова Молотовым и поездке последнего в Берлин, для ведения переговоров с Гитлером.

Конечно, знать мы в то время могли только то, о чём сообщали средства массовой информации. Об истинных мотивах действий руководителей двух государств и секретных приложениях к заключаемым договорам рядовые граждане страны ничего не знали, и терялись в догадках о смысле происходящего.

После заключения Пакта произошли серьёзные изменения в освещении нашей внешней политики средствами массовой информации. Прекратились нападки на фашизм и Германию. Более того, появились статьи, в которых говорили о сходстве двух систем, об экономических и военных достижениях немцев и ругали англичан, обвиняя их в разжигании войны и стравливании двух наших государств. Наши радиостанции стали по нескольку раз в день передавать бравурные военные марши. А ведь еще за несколько месяцев до этого их глушили с таким же усердием, как и антисоветские речи западных деятелей, а за попытку слушать могли отправить очень далеко и на очень долгое время.

Сразу же после заключения пакта, как будто бы они только и ждали этого момента, немецкие войска напали на Польшу. Случилось это первого сентября 1939 года, в день начала занятий в школе. Огненное колесо войны закрутилось на полные обороты. В качестве ответного хода Англия и Франция объявили войну Германии. К удивлению читателей, газеты, ещё недавно разоблачавшие и клеймившие действия немецких и итальянских фашистов, теперь больше писали о польском правительстве, якобы, предавшем свой народ и бежавшем в Лондон под крыло буржуазного английского правительства. В своем описании военных действий в Польше газеты ограничивались перечислением отдельных фактов, воздерживаясь от каких-либо комментариев и оценок. Члены нашей семьи, как и большинство советских людей «болели» за поляков. Особенно тяжело было наблюдать за тем, как механизированные войска немцев гонялись за отступающей на юг конной армией Польши.

В те годы много говорилось о необходимости крепить обороноспособность страны. Ширилось движение за сдачу норм ГТО (готов к труду и обороне). Молодые люди гордились значками с изображением спортсмена с финишной лентой на груди. В школе разучивали стихи и песни, в которых воспевался героизм наших воинов, мощь и несокрушимость Красной Армии, мудрость полководцев и Вождя. Народу внушалась уверенность в непобедимости нашей армии. Делалось всё, чтобы человек с винтовкой в руках и звездочкой на шлеме пользовался всеобщим уважением и любовью.

Когда 17 сентября 1939 года, в самый разгар военных действий, которые германские войска вели в Польше, наши войска перешли польскую границу с востока и стали освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию, все замерли, ожидая столкновения нашей и фашистской армий. Ведь мы в то время не знали, что деление Польши и демаркационная линия уже определены секретными договорами с Германией. Помню, как на политчате, посвященном этому событию, высказывалась мысль: «Вот теперь мы дадим жару немцам!». Именно немцам, а не немецким фашистам. Однако совместный парад советских и германских войск в Брест-Литовске 22 сентября 1939 года и заключённый 28 сентября того же года договор о дружбе с Германией похоронили эти надежды.

Мне сейчас трудно передать те чувства, которые тогда владели мною. Как и все советские люди того времени, я ненавидел фашизм и верил в коммунистическое будущее мира. Но в то же время я гордился немецкими учёными, путешественниками, писателями и музыкантами. Гордился тем, что основоположниками научного коммунизма были немцы. И, в чем никогда никому не признавался, гордился военными успехами немцев. Если бы только они не были фашистами, если бы их военные усилия были направлены не на порабощение, а на освобождение народов - думал в то время я. Наверное, такие мысли были реакцией на насмешки, которым в нашей юношеской среде подвергалось все немецкое.

В десятом классе жизнь моя была насыщена до предела. Теперь, повзрослев, и решив по окончании школы поступать в институт связи, я стал гораздо серьезнее относиться к занятиям, особенно к занятиям по математике и физике. К урокам по физике я стал готовиться даже с опережением, разбирая материал, который должен был изучаться на очередном уроке. Подыскивая хитрые вопросы, старался втянуть учительницу физики Анну Петровну в споры о сущности тех или иных физических явлений. Однажды, затеяв в спор по поводу формы, в которой она использовала символ бесконечности и деление на нуль, я допустил бестактное замечание. В результате Анна Петровна ушла с урока в слезах, а я получил второй выговор. После этого инцидента я изменил тактику: стал поручать свои вопросы, одному из самых слабоуспевающих учеников класса, и только после ответа Анны Петровны какой-нибудь репликой или замечанием как бы невзначай навязывал ей спор. Несколько раз Анна Петровна попадалась, но вскоре, поняв, в чём дело, вообще перестала обращаться к классу со своим традиционным обращением: «у кого есть вопросы?».

Здесь же, в десятом классе, началось моё увлечение философией. Начал с чтения книг, оставшихся после отца. Прочёл «Пролегомены» и «Критику чистого разума» Канта и что-то из Гегеля. Понял, наверное, не очень много, но с удовольствием подкреплял свои ответы надерганными из этих произведений суждениями. После крутого поворота в отношениях с Германией стал всё чаще задумываться над тем, в чем сходство и в чем различия двух наших систем. Петя очень отрицательно отнёсся к этому моему увлечению, предупреждая, что оно может довести до тюрьмы не только меня, но и всю семью.

В ноябре месяце в Падах, деревне, в которой жили мать и братья Игорька, состоялась его с Лялей свадьба. На неё приехали и мы с мамой. Длинные ряды столов и лавок, обилие выпивки и закуски. Степенные мужчины и напряжённые, оглядывающие друг друга и невесту женщины. Вручение подарков с поимённым перечислением оных, благодарственные ответные речи, запах пота, махорки и дегтя от обильно смазанных сапог. За столом распоряжается мать Игорька, Софья Владимировна, крупная, властная женщина, перед которой трепетала не только Ляля, но и моя старенькая и такая беззащитная в таких условиях мама. Свадьба набирает темп. Речи становятся всё громче и громче, реплики забористей, бабы и мужики развязнее. Гармошка, пляски, пьяные речи и поцелуи. Темнеет. Зажигаются керосиновые лампы. На улице толпа любопытных заглядывает в открытые окна. Больно и обидно за Лялю. Я, наверное, под влиянием стихов Блока и смутных детских воспоминаний, представлял себе её свадьбу иной: шампанское, хрустальные бокалы, накрахмаленные скатерти, серебряные кольца для салфеток, приглушенный свет и тихая музыка. Выхожу в ночную темноту. За порогом в слякоти дождливой осени пьяный мужик выясняет отношения со своей ревливой женой. На сегодня свадьба подходит к концу с тем, чтобы возобновиться с утра. На столе опрокинутые стаканы и лужи разлитого вина, тарелки с остатками еды и воткнутыми в них окурками. Хлопочут женщины, пытаясь, навести порядок. В соседней комнате на полу стелют общую, человек на 10, постель. Здесь вповалку будут спать гости, приехавшие из соседних деревень. Мужики и бабы сильно выпившие. Разгорячённое воображение рисует нездоровые картины. Вместе Сергеем, младшим братом Игорька, уходим на сеновал, где я долго не могу уснуть. Свадьба продолжалась ещё два дня. Вскоре Игорёк и Ляля уехали в село Донское, где Игорь принял заведование школой, а Ляля преподавала немецкий язык. А через

несколько дней, 30 ноября 1939 года, началась война с Финляндией.

Информация с этой войны была очень скудной. Причины её мало известны. Чувствовалось, что больших успехов у нас там не было. Финны защищались отчаянно. Война затягивалась, входя в суровую зиму. Повторения германо-польской кампании, длившейся всего 36 дней, не получалось. Госпитали заполнялись ранеными и обмороженными. Катастрофически росло число убитых. Печать объясняла это необычно сильными морозами и тем, что в военных действиях участвуют только войска нескольких северных округов. Но все равно война эта была мало популярна. Погибло слишком много людей, успехи были слишком незначительны. Скрыть неудачи финской кампании было трудно. Взрослые по вечерам шепотом обсуждали ситуацию, ожидая, что со дня на день призывать начнут из других округов. Естественно, что Ляля, прежде всего, волновалась за Игорька, Эрн за Петю, мама за меня. Война с Финляндией кончилась через 105 дней так же неожиданно и незаметно, как и началась.

В апреле 1940 года немецко-фашистские войска оккупировали Данию и Норвегию, в мае - Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В июне советский союз «освободил» Бесарабию и Северную Буковину. Италия объявила войну Франции и Англии. И вдруг 22 июня 1940 года потрясшее нас известие: капитулировала Франция.

А в это время я заканчивал десятый класс. Оценки в аттестате могли бы быть лучше, но сказались оценки, полученные в восьмилетней школе. Последние из моих школьных воспоминаний связаны с выпускным вечером.

Начало вечера помню плохо, но конец запомнился. Его мне испортила моя одноклассница, Люся Соболева. Была она дочерью прокурора области. Раза три или четыре у неё дома устраивались коллективные вечеринки, на которые приходили почти всем классом. Бывал на них и я. Как правило, садился в полутёмной комнате и крутил пластинки. Как обычно, смотрел из полутьмы в ярко освещенную комнату, где веселились другие, и растравлял себе душу жалостью к себе. По-видимому, я ей нравился, и это немного смущало и тяготило меня, так как я никаких особых чувств не испытывал и поэтому считал себя виноватым перед ней. Когда после выпускного вечера мы почти до рассвета всем классом гуляли на левом берегу Цны, Люся не отходила от меня и жаловалась на то, что её знобит. Я предложил ей свою куртку. Люся была хорошим товарищем, никогда не давала почувствовать, кто её отец. Одевалась скромно, наравне со всеми участвовала во всех субботниках.

Только однажды за ней приезжала машина. Я ценил в ней эти качества и старался бережно относиться к её чувству. И теперь, провозжая её домой, со страхом думал, что поцелуя не избежать. Но всё обошлось. На улице, у самого её дома, нас поджидал Люсин отец.

С окончанием школы круг моих друзей и товарищей стал меняться. Андрей Орлов, поступив в военную школу переводчиков, уехал из города. Роберт Стокс поступил в медицинское училище на стоматологическое отделение, и встречались мы теперь редко. Лёва Петерсон устроился служить в милицию. Из старых друзей остался Симач. Наше с ним увлечение радиотехникой расширилось и углубилось. С появлением супергетеродинных приёмников пришлось подналечь на теорию. В радиоклубе при ДОСААФе мы собрали телевизор. Развертка осуществлялась «зеркальным винтом», собранным наподобие веера из металлических пластин с гранями, отполированными до зеркального блеска. Пульсирующий свет неоновой лампы, отражаемый поочередно его гранями, складывался в размытое, прочерченное горизонтальными линиями изображение размером, несколько превышающим спичечную коробку. Изображение передавала московская станция «РЦЗ», а звуковое сопровождение - станция «ВЦСПС». Передача велась, как мне помнится, два часа в неделю. Несмотря на несовершенство такого «телевизора», посмотреть передачу в радио-клуб приходили целыми классами.

В это последнее мирное лето мы с Симачом не прекращали наши традиционные поездки на велосипедах в лес и Эльдорадо. Помню, как в одну из таких поездок, проезжая по бревну, переброшенному через ручей, впадающий в Цну, я не удержался на узкой ошкуренной полоске. Шины соскользнули, педаль ударилась о бревно, велосипед перевернулся, и я спиной вниз упал в заиленный, заросший тростником ручей, а на меня сверху - мой выдавший виды велик. Вылезал я весь в тине с синяком под глазом и разбитой губой. Хорошо, что из зрителей был только Симач. После этого случая я гораздо осторожнее стал демонстрировать свое умение ездить на велосипеде.

Тем же летом, а возможно, это было годом раньше, так как с нами был и Лёва Петерсон, по дороге из леса нас застала сильнейшая гроза с ливнем. Был поздний вечер. Дорога шла по чистому полю. Кругом ни деревца, ни куста. Мгновенно намокшая одежда противно липла к телу. От неприкрытых щитками колес комки грязи били по спине. Холодно. А до дома ещё несколько километров по раскисшей от потоков воды дороге. После одной особенно

ослепительной вспышки и сразу же расколовшего небо грома кто-то из нас вспомнил, что возникающие при движении потоки воздуха увлекают не только шаровые молнии. А тут еще железные велики. Сейчас, сидя в тёплой, уютной квартире многоэтажного, защищенного громоотводами дома легко смеяться над первобытными страхами, порождаемыми грозой. А тогда, ночью, под открытым небом, низвергающим на наши головы потоки холодной воды, при вспышках молний, вспарывающих черное небо и наши от страха сжавшиеся души, нам было не до любования разбушевавшейся стихией. Завидев небольшое озерцо, мы, побросав велосипеды и согнувшись, устремились к нему. Сбросив насквозь промокшую и грязную одежду и зачем-то спрятав её в прибрежных кустах, вошли в воду. И вот уже только три стучащие зубами головы торчат над её поверхностью.

Гроза и ливень кончились так же внезапно, как и начались. Была уже полночь, когда мы, мокрые, грязные и продрогшие, миновав мост, въехали в город. Ближе всего было к Лёве, куда мы и направили бег наших колёс. Здесь я впервые отведал водки, которую для профилактики заставила выпить его мать. Домой я явился уже в первом часу ночи. На улице меня встретил Петя, которого после долгих уговоров и слез, моя мамочка направила на розыски пропавшего чада. Увидев меня и прорывав что-то нелестное о нашей семейке, он, не сказав мне ни слова, ушёл к себе, сильно хлопнув дверью. Я же, подогретый спиртным, вел себя очень храбро, если не вызывающе. Почувствовав запах спиртного, мама пришла в отчаяние: «Робочка, да ты же пьян», только и смогла выговорить она и залилась слезами. Потом меня рвало, и чувствовал я себя очень плохо. Второй раз выпить чарку водки мне пришлось только через одиннадцать лет, при выходе из лагеря.

После окончания школы я планировал поступить в институт связи на факультет радиотехники. Но денег для поездки в Москву, а тем более для жизни там у нас не было. Пришлось поступать на физико-математический факультет Тамбовского педагогического института. Располагался он на высоком берегу Цны, в довольно живописном месте. Кирпичное, двухэтажное здание бывшей гимназии. Перед зданием института небольшой сквер, а за ним Цна. В институт я поступил без особого труда и в отведенное мне судьбой время учился вполне достойно не только по математике и физике.

Занятия в институте начались, как и положено, первого сентября. Курс математического анализа нам читал доцент Трескин Сергей Сергеевич, худощавый и очень подвижный мужчина, с тон-

кими чертами лица и визгливым голосом. Изображая за кафедрой поведение функции, он то приседал, то поднимался на цыпочки. Манипулируя голосом, то опускался до шёпота, то переходил на крик, от которого вся аудитория вздрагивала, а задремавшие вскакивали с мест. Вообще-то, как я теперь понимаю, он был хорошим математиком и преподавателем. Высшую алгебру читал доцент Медведев. Ни имени, ни отчества его я не помню, но помню, что лекции он читал четко и доходчиво, очень аккуратно и рационально используя доску. Писать за ним конспект было очень легко, и за это студенты прощали ему частые появления на лекции в нетрезвом виде, тем более, что на качество лекции это почти не влияло. Сокращалось только используемое поле доски, так как левой рукой он цепко держался за её левый край. Бывали случаи, когда он вообще не являлся к началу лекции, и тогда студенты, минуя администрацию, шли за ним домой, благо он жил совсем близко.

Лекции по аналитической геометрии читал доцент Коренев, читал серо, невыразительно, бледным, монотонным голосом. Такое же впечатление осталось у меня и от самой аналитической геометрии. Общую физику читал декан факультета доцент Артёмов. Крупный мужчина, с копной седых волос и удивительно тонкими губами. Какова была область его научных интересов - я не знаю, но помню, что на одной из научных конференций он выступал с докладом, в котором земной магнетизм пытался обосновать наличием электрических токов в верхних слоях ионосферы.

Большую роль в моем математическом развитии на первом году обучения в институте сыграл ассистент Марков, который вёл у нас практические занятия по математическому анализу. Со второго семестра он стал заниматься со мной индивидуально. Марков готовился к сдаче экзаменов кандидатского минимума и хотел, с одной стороны, потренироваться в разговоре на немецком языке, а с другой - найти объект, которому можно бы было рассказывать содержание разобранных глав учебника. Помню, как часами выслушивал я его доказательства теорем Фредгольма из теории интегральных уравнений. Часто наши занятия затягивались допоздна, что сильно волновало маму, которая в таких случаях встречала меня у подъезда его дома. Мой интерес к философии не угас. Далеко выходя за рамки программ, читал утопистов, социалистов, революционных демократов, основоположников научного коммунизма. Из ленинских работ, тоже с опережением, прочёл «Материализм и эмпириокритицизм». Это произведение мы в соответствии с программой должны были изучать на втором курсе. Должен признаться, оно мне не понравилось. Слишком много бездоказа-

тельной, переходящей в ругань, критики. Трудно было понять, в чем же заключались критикуемые Теории. После неё я начал искать что-нибудь из произведений Богданова, Валентинова, Юшкевича и других философов, обруганных Лениным. Искать их в библиотеках было не только бесполезно, но и опасно, ибо все эти книги давно уже были запрещены и изъяты из всех библиотек. Обратился к знакомому старику-букинисту. Но достать он смог мне только «Психофизический монизм» без обложки и титульного листа, в котором фамилия автора на всех авторских листах была тщательно вырезана. Потом, через него же, достал и прочёл несколько работ Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра.

Увлёкшись философией, я до других работ Ленина так и не добрался. Главным виновником всех бед и несправедливостей считал Сталина, которого ненавидел. Обескураживали всенародная любовь и безграничная преданность вождю, стихи и песни, в которых превозносились его бесчисленные достоинства и мудрость.

Дела мои в институте шли вполне успешно. Помимо обычных академических занятий, участвовал в работе математического кружка, руководил которым все тот же Марков, физической лаборатории у Артёменко и астрономическом кружке. Инициатором создания последнего был студент Шапошников, со школьной скамьи серьёзно занимавшийся проблемой малых планет и выступавший с докладом на всероссийской конференции астрономов-любителей. На чердаке главного корпуса он с помощью еще нескольких энтузиастов, в число которых входил и я, оборудовал наблюдательную площадку. Там установили старинный «телескоп», которым наш молодой руководитель был очень доволен. Как ни стыдно теперь признаться, телескоп (подозреваю, что это была какая-то достаточно сильная подзорная труба) часто, в отсутствие Шапошникова, использовали для наблюдения за парочками, располагающимися на левом берегу Цны, и более далекими объектами на опушке леса. С нашей стороны это было, конечно, не очень прилично.

В качестве общественной работы, которая в то время была обязательной для каждого студента, мне засчитывали обслуживание институтского радиоузла. Как и в школе, я крутил пластинки на еженедельно проводимых вечерах. Каждый такой вечер должен был содержать главную, позитивную часть: какую-нибудь лекцию на политическую или культурно-познавательную тему или выступление самодеятельности. Танцы допускались только в качестве приложения, причём весьма ограниченного по времени. Сам ре-

пертуар танцев обсуждался и утверждался комитетом ВЛКСМ. За озвучивание пластинки с тлетворной буржуазной музыкой можно было запросто получить выговор. Специальный комсомольский отряд следил за пристойностью поведения в танце. Студентов, которые, по мнению комитетчиков, позволяли себе непристойные движения, а также чрезмерную близость в танце, просто удаляли с вечера. О том, чтобы приглушить свет и создать интимную обстановку, не могло быть и речи. Однако следует заметить, что сами студенты относились к такой нравственной цензуре довольно спокойно. Если же кто-то пытался бунтовать, а такие были, то их быстро успокаивали на заседаниях комсомольских бюро.

Ни в каких молодёжных политических организациях я никогда не участвовал. Не был ни пионером, ни комсомольцем. На собраниях бывал только при крайней необходимости и, естественно, никогда не выступал. Другое дело семинары по истории партии. Вел их лектор доцент Филин. Здесь я был довольно активен, особенно когда речь заходила о вопросах философского характера. Филин всячески стимулировал дискуссии, что для того времени было, как я теперь понимаю, весьма необычно и даже рискованно. В разгаре возникающих споров я, как показало дальнейшее развитие событий, иногда переходил допустимую в политических дискуссиях границу. Я далёк от мысли, что это была специально разработанная провокация. Слишком мелкой и незначительной фигурой был я для этого. Но кто-то фиксировал все это и сообщал куда нужно. В этом я убедился на следствии. А позже, будучи уже деканом, узнал, что даже во времена Брежнева в каждой учебной группе КГБ имело своего осведомителя. И хотя после реабилитации у меня была возможность выяснить, кто же «стучал» на меня, заниматься я этим не стал. Противно! Особенно если бы оказалось, что этим занимался кто-то из моих товарищей. Товарищи! Их у меня в институте было немного и среди них ни одного настоящего друга. Некоторых я помню по имени, некоторых - по фамилии. Редко кого по имени и по фамилии. Пережитое в лагере огромной глыбой заслонило многое из моего прошлого. Извеков - какой-то комсомольский деятель то ли на факультете, то ли в группе. Его подружка Инесса. Сажин - крупный, черноволосый, с красивыми белоснежными зубами, сын священника, Нина Печёнкина - постоянно кокетничавшая с парнями, Божев - высокий, мускулистый, сильный, приехавший в Тамбов с КВЖД. Он играл в нашем школьном оркестре на большой медной трубе. Его левая рука была повреждена и усохла. Но дрался он отчаянно. Прикрываясь слева трубой, он правой посылал точные и сильные удары.

Что сблизило меня с ними, сказать трудно. Во всяком случае ни математика, ни астрономия, ни радио, ни даже политика не были тому причиной. И не любовь. Нравилась мне совсем другая девушка - студентка нашей группы Рита Конюхова. Была она красивой и неглупой. Это признавали все мои друзья, а, судя по поведению, сознавала и она сама. Во всяком случае, поклонников среди мужской части нашего студенчества у неё было более чем достаточно. Не в первый раз увлекся я девушкой, которая явно была мне недоступна. Поэтому любил я её на расстоянии. Прямого общения и тем более ухаживания избегал, боялся показаться смешным. Сильно смущал меня загадочный взгляд её серых, с восточным разрезом, внимательных и спокойных глаз. Ей я посвящал стихи, наиболее удачные из которых незаметно вкладывал в конспекты лекций. Смелел я только тогда, когда в дискуссиях сталкивались наши мнения. Как правило, я без особого труда брал верх. И тогда глаза её темнели, а голос становился глуше. И в этот момент, как мне казалось, разрушалась стоящая между нами преграда.

Компанией ходили в кино. Обычно это был любимый студентами миниатюрный кинотеатр «Модерн». В нем было небольшое уютное фойе, и выступал джаз. Пели певцы и певицы. Пели хорошо, но по существовавшим тогда правилам очень академично, стоя почти неподвижно и торжественно, в строгих костюмах и платьях. Разве что небольшое декольте и оголённые руки. Единственно, что могла себе позволить певица, это движение руками. В фойе, отделанном зелёным и голубым бархатом, стояли шахматные столики, и мы иногда ходили туда поиграть и послушать музыку.

Ходили мы всей компанией и в городской парк. Расположен он был на берегу Цны и спускался к ней уступами. На самом нижнем из них располагалась танцплощадка, обнесённая плетеной изгородью. Вход на неё был платным. У входа, помимо контролёра, патруль. Радиорубка чуть выше, в небольшом домике, в котором в эти годы хозяйничал Симач. Придя в парк, я обычно отделялся от компании и уединялся с Симачом. Остальные уходили танцевать. Почему-то в это последнее предвоенное лето в Тамбове было много военных, курсантов каких-то училищ и школ. Каких именно - не помню, помню только, что одно из них было лётное. По вечерам по аллеям парка ходили военные патрули, но, несмотря на это, между представителями различных родов войск часто возникали драки. Большинство из них начинались на танцплощадке. Начинали её, как правило, лётчики. Весть о том, что «наших

бьют», мгновенно разносилась по парку, и десятки ног устремлялись к танцплощадке. У входа образовывалось два потока. С одной стороны, девушки и их гражданские кавалеры стремились вырваться из западни, с другой - военные представители противостоящих сторон спешили на помощь «своим». Естественно, что легкая драночная изгородь, огораживавшая танцплощадку и рассчитанная на гражданских «зайцев», не могла долго сдерживать разгорающиеся страсти. Ломали и выворачивали всё, вплоть до столбов. Потом всеобщая драка распадалась на мелкие локальные группы и расползалась по наиболее тёмным уголкам парка. К тому времени, когда приезжали дополнительные наряды милиции, всё оказывалось «в порядке», кроме нескольких пострадавших гражданских и разгромленной танцплощадки.

В этот период я познакомился со студенткой литфака, которую звали Фаина. Ничего особенного между нами не было. Разве что интерес к поэзии. Ведь я любил Риту Конюхову, а Фаина нужна была как противовес. Несколько раз мы ходили в кино и городской парк. И вот как-то, проходя вечером по скверу, ведущему к институту, я увидел её сидящей на скамейке в обнимку с каким-то лётчиком. И был он лет на 10 старше её. Именно эта разница в годах особенно поразила меня. На следующий день при встрече я передал ей записку и ушёл. А в записке было четверостишие:

Так низко пасть, так низко опуститься,
Месиво чувств по каплям раздавать,
Обрывки дум тряпичных, - этот вечер
Нет, ум не может оправдать.

Этот случай мне запомнился не потому, что я был уязвлён поведением Фаины, а теми последствиями, которые он имел для меня. Одна из сокурсниц Фаины, встав на защиту своей подруги, пожаловалась в комитет комсомола на то, что я своим четверостишем якобы оскорбил Фаину, ибо, как она уверяла, лётчик был её братом. И хотя я никогда не был ни пионером, ни комсомольцем, меня вызвали на заседание комитета ВЛКСМ.

Маленькая комната, бархатное тёмно-красное знамя, портреты вождей и с десятков молоденьких и уже таких строгих, с брезгливо поджатыми губами девушек. Я впервые оказался на таком судилище и был удивлён тем, с каким пристрастием и, как мне казалось удовольствием, комитетчицы в красных косынках, с комсомольскими значками на вздымающихся от возмущения девичьих грудях выясняли у Фаины, в каких отношениях была она с лётчиком.

Меня же они обвиняли в том, что своим четверостишием я, якобы, оскорбил честь советского офицера, приписав ему не свойственные нашим военным помыслы. Я в свою очередь допытывался, какие умозаключения привели их к такому выводу. Только после того, как я прочел всё стихотворение целиком, девушки, большинство из которых были студентками литфака, наконец, отпустили меня.

До войны оставалось не более двух месяцев.